

Великий Глинка

К 100-летию со дня смерти

Гордость и национальная слава русского народа, основоположник великой русской музыкальной классики, Михаил Иванович Глинка стал незаметным солнцем нашей музыки так же, как в литературе Александр Сергеевич Пушкин. Еще в те далекие времена, откликаясь на смерть композитора, И. Панаев в мартовской книге «Современника» писал: «Имя Глинки проникло в самые глухие и отдаленные углы в России, вместе с его мелодическими, задумчивыми или страстными звуками...». Минувшее столетие принесло неуязвимую славу музыке Глинки. Она звучит и живет в музыкальных театрах, на концертных эстрадах, в широких кругах музыкальной самодеятельности, в быту. Бессмертные творения великого композитора учат и воспитывают поколение за

поколением музыкальной молодежи; его мудрые эстетические принципы, оплодотворявшие творчество всех русских композиторов, воздействуют на музыку наших современников. За год до смерти пятидесятидвухлетний М. И. Глинка, уже автор величайших творений, преисполненных удивительных красот и мастерства,—опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила», испанских увертюр, «Камаринской», «Вальса-фантазии», множества чарующих, великолепных романсов, — едет в Германию, где изучает западную музыку и продолжает углубленно совершенствовать свое мастерство. Знакомство с западной музыкальной наукой Глинка совершает творчески, критически, исходя из ясно

поставленных эстетических целей, соответствующих его пламенным патристическим убеждениям. Как ярко иллюстрирует эти его принципиальные позиции фраза из письма к К. А. Булгакову: «Я почти убежден, что можно связать Фугу западную с условиями нашей музыки узлами законного брака». Пытливый ум Глинки и его чуткое большое сердце ощущают в каждом такте смелой и задушевной, богатейшей содержанием музыки композитора, в его эстетических высказываниях, полных любви и уважения к культуре русского народа, демократической заботы о широких слоях слушателей. Как же может не восхищать известное высказывание Глинки в письме Н. В. Кукольникову: «...Можно соединить требования искусства с требованиями века и,

воспользовавшись усовершенствованием инструментов и исполнения, писать пьесы, равно докладные заметкам и простой публике...» Эта мысль непреложна и сейчас для художников, заботящихся о доступности своего творчества. В другом письме композитор пишет о том, что хочет выбрать для своей новой оперы сюжет «совершенно национальный», написать соответственно и музыку: «...Я хочу, — подчеркивает Глинка, — чтоб мои дорогие соотечественники были тут как у себя дома...». В одной из бесед с А. Н. Серовым Глинка подчеркнул силу критерия народности, значение народных истоков в творчестве, сказав: «Создает музыку народ, а мы, художники,

только ее аранжируем». Это пронзительное высказывание Глинки также крепко вошло в нашу эстетическую науку. Глинка часто повторяет мысль о том, что содержание и форма в искусстве неразделимы. «Красота музыкальной мысли вызывает красоту оркестра», — указывает он в своих «Заметках об инструментровке». В письме к В. Н. Кашперову он отмечает: «...Все искусство, а следовательно и музыка требуют: 1) Чувства — это получается от вдохновения свыше. 2) Формы. Форма значит красота, т. е. соразмерность частей для составления стройного целого. Чувство зиждет — дает основную идею; форма облекает идею в приличную подходящую ризу... Чувство и форма это — душа и тело. Первое дар Вышней благодати,

второе приобретается трудом, — причём опытный и умный руководитель — человек вовсе не лишний». Высказывая такие мысли, Глинка раскрывал существо своего творческого метода — неустанное стремление к совершенствованию формы своих произведений, выражающих очень глубокие чувства: то пламенно патристические, то трогательно-лирические или скорбные, то сосредоточенно-эпические, радостные и патетико-величественные. Многообразие этих чувств в музыке Глинки поразительно и выявляется в незабываемых по своей рельефности музыкальных образах. Разве можно забыть, раз услышав, ликующе-торжественный гимн «Славься», величественно-патристическую предсмертную арию Сусанина «Чуют правду», сосредоточенно-философскую арию Руслана «О поле, поле», бесшабашно-разгульную песню Ильиничны «Ходит ветер у ворот», щемяще-скорбный романс: «Уймисьте, волнения страсти», драматически-живописную песню «Ночной смотр», вдохновенно-лирическое претворение в поэтической музыке пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновение», кипучую радость стремительной увертюры к опере «Руслан и Людмила!»

И в крупных своих произведениях, и в миниатюрах композитор выявляет себя замечательным музыкальным драматургом, поэтому так необычайно свободна и в то же время художественно убеждающа форма этих произведений. Искренность и непосредственность эмоций, которые Глинка выражал в своем творчестве, очевидны и захватывающи. В. В. Стасов, например, отмечает, что романсы Глинки «служили только средством выразить в форме искусства то или другое мгновение

собственной жизни, то или другое волновавшее его чувство». Но вместе с тем творчество Глинки содержит в себе и многогранное объективное содержание, идущее от широкого кругозора композитора, его общественных устремлений, отвечавших патристическим идеалам передового русского общества начала XIX столетия. Этот широкий объективизм музыки Глинки, несомненно, имел в своей основе глубокую связь с русской народной песенностью. И эта родная песенность у него была «в крови», он сочинял русские мелодии так, что порою их трудно было отличить от подлинно народных. В своих «Записках» композитор указывал: «...Песни, слышанные мною в ребячестве, были первою причиною того, что впоследствии я стал преимущественно разрабатывать народную русскую музыку». Но в своем понимании народности Глинка шел гораздо дальше, предвосхищая эстетику более поздних эпох русского искусства.

Глинкинское понимание народности сформулировал М. П. Мусоргский в своем знаменитом афоризме: «Сусанин — не мужик простой, нет: идея, легенда, мощное создание необходимости...». Глинка не замыкался только в интонационной сфере русской национальной мелодики: глубокой заинтересованностью в музыкальной культуре других народов и поразительно чутким претворением в своей музыке характера и духа инородных мелодий он оставил последующим русским композиторам великий завет интернациональных связей и дружбы с другими народами. Его увлечение музыкой других народов не носило поверхностного характера. Побывав на Украине, он смог настолько проникнуться ощущением характера и духа украинской песен-

ности, что своими оригинальными песнями «Гуде вите» и «Не щебечи, соловейко» вызвал сомнение в их авторской принадлежности. Композитор даже был вынужден написать в ответ: «...Музыка на песню «Гуде вите» (слова Забелы) сочинена мною, а если она похожа на народный малороссийский мотив — я в этом не виноват!». Характерно, что, наполняясь впечатлениями от музыки нерусских народов, Глинка стремился отражать их не только в песенных формах, но и в крупных произведениях. В романах, фортепьяновых произведениях, операх Глинки мы встречаемся и с музыкой в духе других народностей: польской, финской, шотландской, еврейской, итальянской, кавказских народностей. И везде эта музыка звучит с полной художественной силой, порожденной чутким проникновением автора в существо данных народностей. При этом в музыке композитор никогда не утрачивал своего характерного, глинкинского русского почерка.

Фантазия на две русские темы «Камаринская», положившая основы принципам русского симфонизма, оперы «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила» явились вершинами не только всего творчества композитора, но и сверкающими образцами мировой музыкальной классики. В них полностью выявились неистощимость гениальной композиторской фантазии Глинки, смелость его творческого мышления, нашедшая впоследствии отклик в дерзующем девизе композиторов-кучкистов «К новым берегам!», глубочайшая идейность его замыслов, верность служению народу, чувство ответственности перед ним. Каждое новое соприкосновение с этими великими произведениями приносит чувство радости и глубокого эстетического

наслаждения их неуязвимой свежестью, совершенным мастерством, заново раскрывающимися «непознанными красотоми». В какие дали смогли дойти эстетико-общественные устремления Глинки и как они отозвались в сердцах наших современников, это хорошо выразил Б. В. Асафьев в строках, написанных в 1942 году в осажденном Ленинграде: «За скалочной канвой в «Руслане» (и на пиру, и в беседе его с мудрым северным стариком Финном, и в особенности на поле сечи) «поют» мысли и чувства, родные нам по сказаниям об Александре Невском, Димитрии Донском, Пожарском и Кутузове и более близким к нам героям, мужественным и стойким защитникам Советской земли, покрывшим себя неуязвимой в веках славою». Музыка столь высокого полета не могла нравиться чиновничье-крепостническому обществу самодержавного царизма. Сам Глинка потешался над тем, что его музыку называли «кучерской». Однако, находясь в антагонизме с этим обществом и не всегда воочию видя перед собой слушателя, к которому он обращался своей музыкой, композитор мучительно страдал, часто метался в глубоком неудовлетворении, и эти муки на много лет сократили его жизнь. Но и при жизни композитора было немало восхищенных поклонников его музыки. В наше время пленяющая, вечно живая музыка Глинки получила всенародное признание. Рожденная горячим, взволнованным сердцем и светлым большим умом простого отзывчивого русского человека и в то же время исполнена-художника, эта музыка звучит в сердцах миллионов. **Мариан КОВАЛЬ.**